

Самцхе-Джавахетский государственный университет (Ахалцихе, Грузия)

Выполнила студентка 2-ого курса специальности

«Экономика» Ханикян Сюзанна

Номинация «ПУШКИН В МОЕЙ СТРАНЕ»¹

Тифлис глазами Пушкина

*На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.*

Александр Сергеевич Пушкин - русский поэт, один из самых авторитетных литературных деятелей первой трети XIX века. «Солнцем русской поэзии» назвал его Виссарион Белинский, великим национальным русским поэтом почитает его весь мир. Пушкин является реформатором современного русского литературного языка.

Пушкин давно мечтал побывать в Грузии. Еще в мае 1827 года, после возвращения из ссылки в Михайловском, он писал своему брату Льву, проходившему службу в Нижегородском полку, расквартированному в Кахетии, что мечтает оказаться в Грузии. Но на Кавказ он отправился лишь два года спустя.

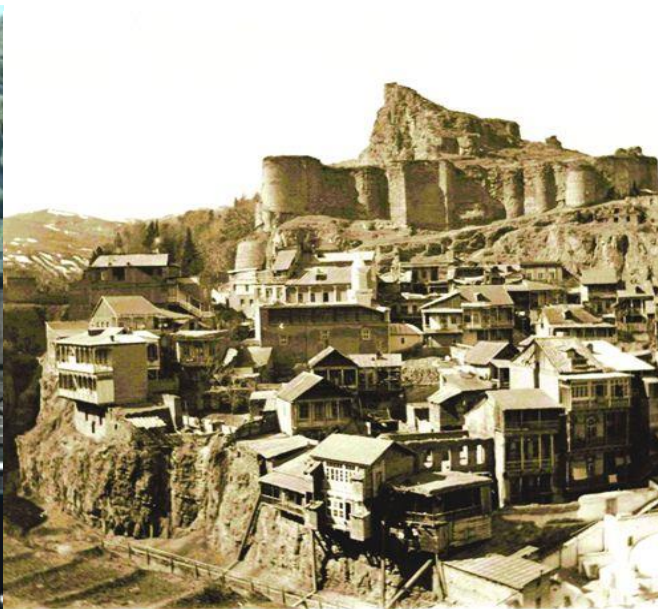
Пушкин приехал в Тифлис в день своего 30-летия в мае 1829 года. Александр Пушкин был знаком с автором "Горе от ума", гордился этой дружбой, и его собственный приезд в Тифлис в 1829 году стал, отчасти, путешествием, «по следам Грибоедова». Неудивительно, что, оказавшись в столице Грузии, первым делом Пушкин отправился на

Мтацминду поклониться могиле друга. Пушкин, по свидетельству очевидцев, «преклонил колени и долго стоял, наклонив голову, а когда поднялся, на глазах были заметны слезы».

Александр Сергеевич проезжал мимо Тифлиса, когда догонял регулярную армию, направлявшуюся в Западную Армению. Он решил на несколько дней остановиться в городе, чтобы набраться сил, а заодно встретиться со своими товарищами по лицу (многие из которых находились в те годы именно в Тифлисе). Так, пожалуй, бывает со всеми приезжими в Грузию – приезжают на день, остаются на месяц, приезжают на месяц - остаются на два.

За эти дни поэт успел побывать в знаменитых серных банях Абанотубани, принять участие в нескольких шумных застольях, вдоволь нагуляться по извилистым городским улочкам, а также понаблюдать за жизнью и нравами местных жителей. В старой части Тбилиси, возле набережной реки Куры находятся знаменитые Тифлиссские серные бани. Еще их называют банями царя Ростом. Это целый квартал Тбилиси, в каждом здании которого находится серная баня. Дата постройки у них разная.

Знаменитые тбилиссские бани расположены на одной, т.н. «банной» улице. Старейшая из них — Ираклиевская баня, за владение которой еще в XVI веке спорили члены царской семьи и князя церкви. Другие — Бебутовская, Казенная и Сумбатовская — были построены в начале XVII в. Самая заметная — Орбелиановская (Голубая или Пестрая — Чрели абано) баня с минаретами по бокам и стрельчатым фасадом, покрытым пестрыми изразцами, была воздвигнута в 1840 г.

Приблизительно это XVII — XIX века. Все бани Тбилиси построены на теплых серно-щелочных источниках и расположены ниже уровня земли. На поверхности же только своды и купола. И сам Тбилиси начал образовываться вокруг этих бань. Тбилиси ведь переводится с грузинского, как «теплый».

Тогда в городе было так жарко, что поэт даже название города перевел как «жаркий город». Хотя слово «тбили» в переводе на русский означает «теплый».

Но это же был Пушкин. Как поэтично он записал:

«Тифлис находится на берегах Куры, в долине, окруженной каменистыми горами. Они ... раскалясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижимый воздух. Вот причина нестерпимых жаров, царствующих в Тифлисе».

«Пушкинский Тифлис» Зураба Церетели, или «Тифлис глазами Пушкина» - это живой, гибкий, пластичный, как жива, гибка и пластична жизнь, увиденная глазами поэта, цикл работ большого современного художника. В произведениях, представленных на этой выставке, счастливо сошлись любовь к пушкинскому слову и любовь к Тифлису. В «Путешествии в Арзрум» едва ли не самые светлые страницы посвящены Пушкиным пребыванию в Грузии: «Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает повевать на путешественника» или: «Здесь начинается Грузия. Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелья и грозный Терек», и далее: «Я оставил Душет с приятной мыслию, что ночью в Тифлисе». Все увиденное переполняет Пушкина - и римские древности, и восточная экзотика, нравы и обычаи, вся пестрота жизни! За две недели, проведенные в Тифлисе, поэт успел познакомиться с жизнью шумного, яркого, многонационального Тифлиса и полюбить этот город.

Пребывание Пушкина в столице Грузии породило много легенд и рассказов. Вот как описывает пребывание Пушкина в Тифлисе один из очевидцев: «Там видели его, как он шел, обнявшись с татаринном, в другом месте он переносил открыто целую стопку чурехов. ...Перебегает с места на место, минуты не посидит на одном месте, смешит и смеется, якшается на базарах с грязным рабочим муштайдом и только что не прыгает в

чехарду с уличными мальчишками» (С. Максимов. «Год на севере». М., 1890. С. 409). И в работах Зураба Церетели предстает Тифлис, увиденный глазами вездесущего Пушкина. Грузинская свадьба, похороны, сороковины, узкая тифлисская улочка, тифлисский дворик, тифлисский базар и, конечно же, «роскошные тифлиские бани», столь подробно описанные Пушкиным в «Путешествии в Арзрум».

Свое видение о пребывании Пушкина в Тбилиси замечательно описал в своем прекрасном стихотворении известный грузинский поэт Мухран Мачавариани:

*В извилах улочек тифлиских под вечер Пушкин заплутал
И вышел в сад, где пир в разгаре, где князь застолье возглавлял,
За тостом — тост, и рог — за рогом, луны востока льется свет,
— Друзья, знакомьтесь, Александр, из рода Пушкиных, поэт.*

*Хоть повидал немало Пушкин, с такою трапезой, с таким
Обильем блюд, гортанных песен, басистым смехом громовым
Впервые встретился... Беда ли, что русским не владеют тут?
Улыбка — вот грузина слово, улыбки речь везде поймут...*

*Чредою ослики стояли, печально уши опустив,
А по бокам у них — корзины, полны несметно огурцов,
Барыш Сикуне светит. «Пушкин, ах, как ты добрый,
как красив...» —
Корзину купит и другую, вот молодец из молодцов!*

*Кинто смеется, Пушкин тоже с улыбкой траты подсчитал,
— Сико, бандюга авлабарский, небось навара и не ждал?
Не стыдно — гостя так обжудить...
Хохочут Пушкин и Сико,
Что огурцы, и деньги — мусор... Светло на сердце и легко...*

*Гарцуя гордо, князь усатый приметил девицу-красу,
И лихо спешил, и к дубу коня гнедого привязал,
И так он жаждал поцелуя, как травы на заре — росу,
И подались они друг к другу, и пламя вспыхнуло в глазах...*

*В извилах улочек тифлиских под вечер Пушкин заплутал,
И вышел в сад, где пир в разгаре, где князь застолье возглавлял,
За тостом — тост, и рог — за рогом, луны востока льется свет...
— Друзья, знакомьтесь, Александр, из рода Пушкиных, поэт...*

А. С. Пушкин писал: «...Долго вел я потом жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по северу и никогда еще не вырывался из пределов необъятной России». А как хотелось поэту совершить далекое путешествие! 7 января 1830 года А. С. Пушкин обращался к Бенкендорфу: «Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством».

Но этим желаниям А. С. Пушкина не суждено было сбыться — выезд из России ему был запрещен. Но все же однажды, совершая путешествие в Арзрум, Александр Сергеевич государственную границу пересек.

Путешествие на Кавказ, в действующую армию, он предпринял в 1829 году, как говорится, на свой страх и риск после очередных осложнений в жизни: первое сватовство к Н. Н. Гончаровой оказалось неудачным, хотя прямого отказа поэт не получил. В автобиографическом наброске «Участь моя решена» поэт признавался: «...если мне откажут, думал я, поеду в чужие края».

За это путешествие по возвращении пришлось А. С. Пушкину оправдываться перед шефом жандармов Бенкендорфом, который требовал ответа на вопрос «по чьему позволению он предпринял сие путешествие».

В своем ответе Бенкендорфу 10 ноября 1829 года А. С. Пушкин указывает только на необходимость «повидаться с братом, который служит в Нижегородском драгунском полку», тогда как причина была не только эта. В предисловии автора к «Путешествию в Арзрум» при его издании в «Современнике» в 1836 году он пояснял: «Мне захотелось туда съездить для свидания... с некоторыми из моих приятелей» (в том числе и с друзьями-декабристами, с которыми и встретился).

А. С. Пушкин обладал тонкой наблюдательностью, и многие его путевые заметки могут считаться образцами географического описания: «Дорога наша сделалась живописна. Горы тянулись над нами. На их вершинах ползли чуть видные стада и казались насекомыми... На скале видны развалины какого-то замка: они облеплены саклями мирных осетинцев, как будто гнездами ласточек». Эти слова написаны не географом, а замечательным мастером слова, — столь высокохудожественно его описание, полное неожиданных сравнений.

«Дорога шла через обвал, обрушившийся в конце июня 1827 года. Таковые случаи бывают обыкновенно каждые семь лет. Огромная глыба, свалясь, засыпала ущелие на целую версту и запрудила Терек. Часовые, стоявшие ниже, слышали ужасный грохот и увидели, что река быстро мелела и в четверть часа совсем утихла и истощилась. Терек прорылся сквозь обвал не прежде, как через два часа. То-то был он ужасен!»

Это грозное явление в снежных горах поэт запечатлел в стихотворении «Обвал», написанном в год путешествия:

*Дробясь о мрачные скалы,
Шумят и пенятся валы,
И надо мной кричат орлы,
и ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.
Оттоль сорвался раз обвал,
И с тяжким грохотом упал,
И всю теснину между скал
Загородил,
И Терека могущий вал
Остановил.
Вдруг, истощась и присмирив,
О Терек, ты прервал свой рев;
Но задних волн упорный гнев
Прошиб снега...
Ты затопил, освирепев,
Свои брега.
И долго прорванный обвал
Неталой грудой лежал,
И Терек злой под ним бежал,
И пылью вод
И шумной пеной орошал
Ледяный свод.
И путь по нем широкий шел:
И конь скакал, и влекся вол,
И своего верблюда вел
Степной купец,
Где нынче мчится лишь Эол,
Небес жилец.*

Кавказские впечатления, как и впечатления других путешествий А. С. Пушкина, нередко служили темами для создания поэтических произведений.

Еще прекрасный пример этого.

Вот прозаическая запись увиденного поэтом:

«Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище: белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками».

А вот стихи, навеянные этим зрелищем:

*Высоко над семью гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реющий ковчег.
Парит, чуть видный, над горами.*

О красоте снежных хребтов Кавказа А. С. Пушкин восторженно писал брату еще во время первого путешествия на Кавказ в 1820 году: «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор; ледяные их вершины, которые издали, на ясной заре, кажутся странными облаками, разноцветными и недвижными; жалею, что не всходил со мною на острый верх пятихолмного Бешту (по-современному Бештау, что по-тюркски значит «пять гор». — Л. Т.), Машука, Железной горы, Каменной и Змеиной. Кавказский край, знойная граница Азии, — любопытен во всех отношениях» (письмо от 24 сентября 1820 г.).

При этом надо подчеркнуть, что поэта дикая природа привлекала больше, чем окультуренная. Девять лет он не бывал на кавказских водах, и многое за это время изменилось: «Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука...

Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался».

Здесь интересно обратить внимание на то, сколь скрупулезно, оттачивая фразы, работал А. С. Пушкин над «Путешествием в Арзрум», в основе которого лежали его дневниковые записи. Вот как выглядел последний абзац в дневнике: «Конечно, Кавказские воды нынче представляют более удобностей, более усовершенствования. — Таков естественный ход вещей. — Но признаюсь: мне было жаль прежнего их дикого, вольного состояния. — Мне было жаль наших крутых каменистых тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, по которым бродили мы в прохладные кавказские вечера».

...Северокавказская часть трудного горного пути пройдена: «Пост Коби находится у самой подошвы Крестовой горы... Мы достигли самой вершины горы. Здесь поставлен гранитный крест, старый памятник, обновленный Ермоловым».

«Мгновенный переход от грозного Кавказа к миловидной Грузии восхитителен. Воздух юга вдруг начинает поведать на путешественника. С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извиляющейся, как серебряная лента, — и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога... Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелия и грозный Терек».

Вот и главный город Грузии — Тифлис. Он «находится на берегах Куры, в долине, окруженной каменистыми горами. Они укрывают его со всех сторон от ветров и, раскаляясь на солнце, не нагревают, а кипятят недвижимый воздух. Вот причина нестерпимых жаров, царствующих в Тифлисе, несмотря на то, что город находится только еще под 41-м градусом широты». Действительно, хотя Закавказье и не Средняя Азия и

Тбилиси не Ашхабад, но средняя температура в июле—августе составляет около 25° (почти на 7° выше, чем в Москве) и может подниматься почти до 40°. Поэтому северянину Пушкину жара казалась нестерпимой.

«В Тифлисе главную часть народонаселения составляют армяне: в 1825 году было их здесь до 2500 семейств. Во время нынешних войн число их еще умножилось. Грузинских семейств считается до 1500».

Заметим, в начале XIX века в Тифлисе было всего около 15 тысяч жителей.

Поэт дал описание Тифлиса, подчеркивающее торговое значение города: «Азиатские строения и базар напомнили мне Кишинев. По узким и кривым улицам бежали ослы с перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегоражали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади...» Это наглядно отражало то, о чем один из исследователей Грузии Бурнашев писал: «Большой торг состоит у них с горскими и персидскими ближними соседями в их рукоделиях, то есть медною посуду, бумажными полотнами, набивными крашеными и белыми, саблями и кинжалами, мелкими железными вещами, платьем, шапками и обувью».

Из Тифлиса А. С. Пушкин послал, можно сказать, единственное за все время путешествия письмо — Ф. И. Толстому (между 27 мая и 10 июня 1829 г.), посреднику в его сватовств Ермолова».

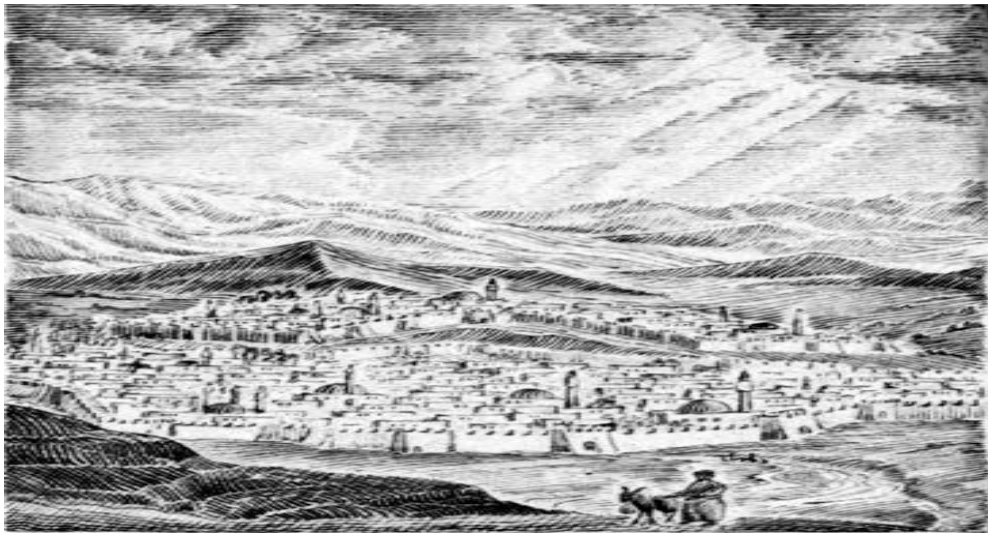
«Арзрум нагорный...»

Интересно замечание поэта: «Грузинские деревни издали казались мне прекрасными садами, но, подъезжая к ним, видел я несколько бедных сакель, осененных пыльными тополями».

Но вот милая Грузия почти осталась позади. «Я стал подыматься на Безобдал, гору, отделяющую Грузию от древней Армении. Широкая дорога, осененная деревьями, извивается около горы. На вершине Безобдала я проехал сквозь малое ущелие, называемое, кажется, Волчьими воротами, и очутился на естественной границе Грузии. Мне представились новые горы, новый горизонт; подо мною расстились злачные зеленые нивы. Я взглянул еще раз на опаленную Грузию и стал опускаться по отлогому склонению горы к свежим равнинам Армении. С неописанным удовольствием заметил я, что зной вдруг уменьшился: климат был другой».

В Армении: «Я ехал посреди плодоносных нив и цветущих лугов. Жатва струилась, ожидая серпа. Я любовался прекрасной землею, коей плодородие вошло на Востоке в пословицу... Перед нами блистала речка, через которую должны мы были переправиться.

«Вот и Арпачай», — сказал мне казак. Арпачай! наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакал к реке с чувством неизъяснимым. Никогда еще не видал я чужой земли. Граница имела для меня что-то таинственное...» Еще бы! Ведь, несмотря на все запреты, он мог ее здесь пересечь и пересек: «Я весело въехал в заветную реку, и добрый конь вынес меня на турецкий берег». Впереди был «Арзрум нагорный, многодорожный наш Арзрум» («Стамбул гяуры нынче славят...»).

И вот вместе с русскими войсками А. С. Пушкин вступил в город, которому дал прекрасную географическую характеристику: «Арзрум почитается главным городом в Азиатской Турции. В нем считалось до 100 000 жителей, но, кажется, число сие слишком увеличено. Дома в нем каменные, кровли покрыты дерном, что дает городу чрезвычайно странный вид, если смотришь на него с высоты... Климат арзрумский суров. Город выстроен в долине, возвышающейся над морем на 7000 футов (2300 метров. — Л. Т.). Арзрум славится своею водою. Евфрат течет в трех верстах от города. Но фонтанов везде множество».

Примечательно, что почти в тех же словах описал Арзрум и его окружение четверть века спустя выдающийся русский путешественник П. А. Чихачев, которого называли «Пржевальским Малой Азии»: «Оттенок однообразия, засухи и грусти как бы навис над этими районами, характерные черты которых достаточно хорошо передаются во внешнем облике столицы... Пред глазами путника — огромное скопление мрачных жилищ из кирпича или строительного материала, изготовленного из тины и грязи... Климат Арзрума в общем здоровый, хотя ввиду значительной высоты над уровнем моря и чрезвычайной оголенности местности его следует отнести к числу резко континентальных».

И еще деталь: благодаря высоте в разгар лета «воздух был холоден, — пишет А. С. Пушкин, — горы были покрыты печальными соснами. Снег лежал в оврагах».

Приведенные выдержки из «Путешествия в Арзрум», как видно, настолько ярки и точны в географическом отношении, что остается только повторить слова исследователя Н. Кузнецова, сказанные о наблюдательности А. С. Пушкина в отношении астрономических явлений, характеризующие его как «поэта изумительного по точности описаний природы и необыкновенной художественной достоверности и правдивости».

Это путешествие поэта продолжалось почти четыре месяца — с начала мая до конца августа 1829 года — и оставило в душе поэта глубокий след. Через семь лет в одном из писем (к В. Д. Сухорукову) он писал: «В соседстве Бештау и Эльбруса живут и досуг и вдохновение».

«Путешествие в Арзрум» — самое географическое произведение поэта — стало своего рода эталоном в описании путешествий. Так, например, о «Фрегате „Паллада“» И. А. Гончарова говорится: «По мастерству видения, по глубине понимания того, что открывается взгляду путешественника, по какой-то волшебной естественности очерки Гончарова сродни „Путешествию в Арзрум А. С. Пушкина“»

Сейчас часто сетуют, что Пушкина в Грузии совсем забыли. Не думаю, что это так. Кто любит стихи, тот и сейчас читает Пушкина. Ведь без Пушкина поэзии не существует.

Творчество Пушкина изучается в общеобразовательных школах и высших учебных заведениях.

Есть такой анекдот-быль из 80-х годов прошлого века.

Как-то в Тбилиси приехали туристы. Оказавшись возле бюста Пушкину, одна из дам воскликнула: "Ой, а я и не знала, что Пушкин похоронен в Грузии". Мимо проходил какой-то грузин и не удержался от комментария: "Да, Пушкин здесь похоронен, а Ленин – вон там". И указал на нынешнюю площадь Свободы, которая раньше носила имя Ленина и в центре которой возвышался памятник Ленину.

Хотя отчасти Пушкин и правда похоронен в Тбилиси. Равно как и в тысячах других мест, где живут его почитатели.

Пушкин там, где мы. И чтобы так было всегда, не нужны ни памятники, ни лозунги.

Ведь музей жив не тогда, когда он открыт, а когда в него ходят люди, когда он нужен. Музей Пушкина будет открыт всегда, пока мы живы. Потому что он живет в наших сердцах.

ⁱ Текст приводится в редакции автора.